

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета

Марии Войттовны Лескинен

о диссертации Касаткина Константина Александровича

на тему:

«“Опыт словоистолкователя Оттоманской Империи...”

И. П. Липранди и образ Османской империи в Российском нарративе

первой – третьей четверти XIX в.», представленной

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация К.А. Касаткина посвящена анализу эволюции представлений об Османской империи и ее славянском населении в российской общественной мысли и науке первой – третьей четверти XIX в. на примере сочинений И.П. Липранди. В фокусе рассмотрения, таким образом, оказываются вопросы происхождения славян в целом и отдельных этносов и проблемы «славянства» – ключевые как для отечественной истории, так и для имперской славистики и военно-дипломатической доктрины этого времени. Тогда начинает формироваться научная и идеологическая аргументация концепции единой славянской общности, в основе которой находилась не только идея языкового родства, но и важнейшая для этнографических исследований эпохи убежденность в сходстве национальных характеров и исторических судеб славянских народов. В обосновании своеобразия russкости и российской религиозно-культурной специфики поиск славянских корней играл важнейшую роль. Актуальность избранной темы диссертационной работы обусловлена также обращением к проблеме эволюции идей славянофильства и панславизма, нашедших отражение в текстах Липранди, создававшихся на протяжении 1830-х – 1870-х гг.

Структура диссертационного исследования логична: оно состоит из введения (с характеристикой источников и историографии, постановкой целей и задач), трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения. В первой главе проанализирована совокупность сочинений И.П. Липранди о Европейской Турции, их источники, датировка написания, цели и адресаты. Во второй главе рассматриваются изменения во взглядах автора «Опыта словоистолкователя» на славянские народы Османской империи (в частности, на сербов и болгар) – их происхождение, историю, уровень цивилизованности и степень общности с русскими. Третья глава посвящена историко-культурному дискурсу эпохи – характеристике сведений о регионе и его истории, а также образов балканских народов и культур, складывавшихся в российском общественном сознании в 1820-е – 1880-е гг. благодаря запискам-травелогам, отчетам военных и дипломатов, научным описаниям. В этой же главе выявляется влияние сочинений Вельтмана и Венелина на труды Липранди. Такая

структура позволяет осуществить задачи, поставленные автором, а именно: выявить научно-исторический контекст, в котором складывались и менялись образы и представления о южнославянских народах, а также принципы научных описаний, классификаций и интерпретации собираемых сведений российскими общественными деятелями, военными, путешественниками, историками – представителями той группы интеллектуалов, к которой можно отнести и Липранди.

Источниковедческий и историографический обзоры не выделены диссертантом в отдельные главы / разделы, а включены во введение в виде небольших частей. И хотя К.А. Касаткин весьма подробно анализирует биографию, научную и служебную деятельность Липранди и все основные архивные и опубликованные источники в первой главе, а также детально разбирает позиции историографии во введении и в основной части исследования, все же отказ от выделения данных характеристик в отдельные структурные единицы нуждается в обосновании. Лаконичный и хорошо написанный параграф «Степень изученности темы» (с. 12–17) все же, на наш взгляд, не заменяет историографического обзора по кругу проблем, в том числе теоретических, (выходящих за рамки собственно исследований творчества Липранди), к которым постоянно обращается автор диссертации.

Несомненной заслугой диссертанта, на наш взгляд, следует считать продуманность и методологическую обоснованность осуществленного компаративистического анализа (в синхронии и диахронии) текстов Липранди о Европейской Турции, сербах и болгарах, созданных в разное время, а также сравнения содержащихся в них оценок и стереотипных характеристик с аналогичными нарративами-описаниями этого региона и народов, написанных другими авторами. Такой подход требует от исследователя эрудиции и владения методами различных гуманитарных дисциплин, что и было продемонстрировано им вполне.

Необходимо отметить тщательность и детальность осуществленного Касаткиным источниковедческого анализа сохранившихся в архивах материалов и фрагментов до сегодняшнего дня не обнаруженного в рукописном виде и неопубликованного в полном виде главного источника – «Опыта словоистолкователя». Разбор и реконструкция диссертантом плана и задач И.П. Липранди убедительно показывает владение диссертантом необходимыми и важными для историка методиками и навыками.

В то же время некоторые заключения К.А. Касаткина вызывают вопросы и возражения. Один из первых вопросов касается полного игнорирования такой важнейшей для анализа географических, политических и этнографических описаний Европейской Турции, находящихся в центре внимания Липранди и исследователя его творчества, области знаний, как народоведение / этнография этого периода – если не европейской, то хотя бы российской. Нет упоминаний о сложившихся способах описания, методах исследования, трактовках объекта, связи с ключевыми задачами каталогизации, в особенности в имперских проектах. Не затрагивает диссертант и вопрос о сложившихся к 1830-м гг., и изменявшихся в течение второй трети столетия классификации народов – в частности, славянских, в основании которых лежали сначала исключительно лингвистические отличия, а затем – антропогеографические факторы и трактовка традиционных культур. И оба этих вопроса, как нам представляется, тесно связаны с той

позицией, с той исходной посылкой автора диссертации – а именно: он рассматривает тексты Липранди, его описания как продукт «просвещенческой» (не просветительской в широком смысле) идеологии и взглядов на Другого. Это заключение является одним из главных в работе: «... Липранди можно охарактеризовать как носителя просвещенческого мировоззрения, что подтверждается и свидетельствами современников..., и анализом его сочинений. Просвещение ..., это, однако, имело сильный военно-бюрократический характер. Истоки его лежали в реформаторской деятельности Петра I и того культа, который возник вокруг первого императора» (с. 33); «стараясь изображать “истину”, Липранди делал это в рамках парадигмы Просвещения. Он стремился “сам поверять многое на месте и на опыте”, что было единственным критерием истинности для него. Не раз обвинял он европейских “кабинетных учёных” в “сочинительстве” и “фантазиях”. ... Там, где личного опыта не доставало или он вовсе отсутствовал, Липранди обращался к критерию рациональности, при помощи которого “очищал” полученные сведения. Таким образом, проблем источникования для него не существовало – автор смело использовал, наряду с вполне авторитетными работами, и труды сомнительного качества» (с. 42–43), а также на с. 95 и др. Если с заключением о том, что «“Опыт словоистолкователя” являлся всецело просвещенческим проектом, созданным на базе европейской интеллектуальной традиции второй половины XVIII в.» (с. 120) с определенными оговорками еще можно согласиться, то распространять его на все творчество Липранди в целом представляется не вполне адекватным.

Дело в том, что даже ранние работы автора «Опыта словоистолкователя» создавались уже в период романтизма в историографии. Представленные в качестве аргумента (упомянутые в цитате) и другие методологические особенности работы с источниками самого Липранди не являются прямым доказательством его принадлежности к просвещенческим принципам описаний, классификаций и этнических характеристик стран (Османской Турции в том числе), народов вообще и славянских в частности. Достаточно упомянуть, например, положения основоположника российской научной этнографии Н.И. Надеждина, который в своих статьях 1840-х гг., посвященных теории и практике народоведческих исследований, также фиксировал различия в работе кабинетных ученых и непосредственных наблюдателей-описателей, разделяя их функции и стремясь выделить возможные искажения, обусловленные характером привлекаемых источников и некритическим их восприятием. Аналогичные размышления встречаются и в работах К.Д. Кавелина об изучении этнопсихологических особенностей славянских народов (того же времени). В списке литературы отсутствуют некоторые важные труды по истории славянского и российского народоведения / этнографии / фольклористики XIX в., в которых анализируются основные особенности научных описаний Своих и Других эпохи романтизма, в том числе и славян (М.К. Азадовского, А.С. Мыльникова, а также К.А. Богданова, А.И. Миллера, А. Шёнле, Н. Найта и др.), в которых затрагиваются тематические, методологические особенности и лексикон этнокультурных презентаций в российской науке и публицистике XIX в.

Трудно согласиться также с заключением автора диссертации о том, что «в первой половине XIX в. просто не существовало сколько-то определенных способов систематического описания неизвестных областей; выработать их ещё только предстояло» (с. 70). Они в это время существовали и реализовывались как в первых узко-

народоведческих работах по изучению как «народности русской» и иностранных групп, так и в многочисленных географо-статистических описаниях Российской Империи (трудах статистического ведомства), а также в военно-статистических описаниях (одно из самых значительных – Военно-статистическое обозрение Российской империи (1848–1858)). В них использовались уже тщательно разработанные вопросы, была представлена четкая последовательность обязательных рубрик и установившаяся структура; они дают возможность установить значение климато-географических особенностей областей, социальной и этнической структуры населения, и даже роль «характера» / темперамента / нрава этнических групп. Несмотря на то, что приведенные примеры касаются описаний регионов и народов Российской империи, они отражают общее понимание объекта презентаций Своих и Других, комплекс критерии оценки, характер и даже спектр возможных заключений, а также важнейшие теоретические посылки и причинно-следственные связи, на которые опирались ученые, военные, журналисты и путешествующие наблюдатели в своем видении и характеристике разных стран и народов.

В 1830-е – 1840-е гг. в российских народоведческих в широком смысле слова описаниях уже проявляется, как хорошо известно, определенный набор концепций, присущих именно романтической историографии, оказывавший влияние на способ описания государств, отдельных областей и населения (в социальном и этнокультурном разнообразии). В частности, это касается романтического представления о «молодых» и «старых» народах, об «исторических» и «неисторических» народах, или же об обусловленности национальных характеров народов и политических форм не климатом и «кровью» (как это формулировалось в трудах европейских просветителей), но новыми научными теориями (например, касающихся проблем антропологической «метисации»). И они самым непосредственным образом воздействовали и на взгляды, и, что важнее, на понимание способов трактовки той историко-этнографической реальности, с которой имел дело и Липранди, – например, антропогеографической и цивилизационной. Они были усвоены авторами российских этнографических и паэтнографических сочинений и (что, быть может, важнее для публицистического контекста) чрезвычайно востребованных, особенно в 1850-е – 1870-е гг. (период популяризации этнографических нарративов в целом, и этнографии славян в частности).

Рассматривая описания регионов и народов, созданные И.П. Липранди на почти полувековом хронологическом отрезке, К.А. Касаткин не касается таких важнейших и основополагающих для жанра имеющих отношение к «народоведческим» штудиям сочинений (как в 1830-е – 1840-е, так и в 1860-е – 1870-е гг.) понятий как «народность» (за исключением народности как элемента уваровской доктрины), а в части, посвященной описаниям первой четверти XIX в. упоминает лишь о том, что тогда «ещё не существовало концепции “народности”, заставившей интеллектуалов обратить внимание на собственных крестьян» (с. 159). Но а позже? Разве И.П. Липранди не использовал понятие «народности» (как раз в эти годы наполнявшегося новыми оттенками значений и обретавшего статус научного термина) как минимум в двух дефинициях, – в том числе и в описаниях народов-этносов? Приведенные цитаты свидетельствуют об обратном.

Нельзя не согласиться с акцентируемой ролью славистических штудий, констатируемой Касаткиным в связи с процессом складывания теорий происхождения русскости, а также в обосновании традиций и основ «русскости», – особенно в связи с влиянием на них славянофильских идей в третьей четверти XIX в. Однако вопрос о соотношении славянофильских идей и описаний славянских народов еще до формирования политической доктрины славянофильства в диссертационном исследовании рассмотрения не удостоился – а ведь ряд сочинений Липранди создавался уже во время активной деятельности российских сторонников данного направления.

Спорным представляется и утверждение (или формулировка) диссертанта о том, что «... примерно в 1800–1880 гг. в Европе и России формировались разные представления о Европейской Турции, отправной точкой которых был ориентализм» (с. 29) – такие хронологические рамки не очень понятны, размыты и чересчур общи, их легко можно расширить или сузить.

Высказанные критические замечания к тексту диссертации не снижают высокой оценки работы К.А.Касаткина. Она выполнена на значительном и обоснованном круге архивных и опубликованных источников, написана ясным научным языком, автор владеет методами исторического научного анализа. Новизна исследования обусловлена компаративистическими методами и выявлением ряда новых фактов из истории российской славистики и ее взаимодействия с военно-политическими доктринаами Российской империи в 1830-е – 1890-е гг.; аргументированность заключений сомнений не вызывает. Заключения диссертанта являются результатом самостоятельного исторического анализа. Автор диссертационной работы имеет необходимое количество публикаций по теме исследования.

Диссертация Касаткина Константина Александровича на тему: «“Опыт словоистолкователя Оттоманской Империи...” И. П. Липранди и образ Османской империи в Российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Касаткин Константин Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета
доктор исторических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Лескинен

Лескинен М.В.

01 сентября 2022 г.

ВЕРНО:
Заведующая кадрами
Мария Кескинен
01.09.2022 №

